

Л. Менье

История медицины

Перевод и очерк об истории медицины **И. А. Оксёнова**

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2018

УДК 61:93
ББК 5г
М50

Автор:

Менье Леон.

Переводчик:

Оксёнов Иннокентий Александрович (1897—1942) — врач, поэт, литературный критик, переводчик.

Менье, Л.

М50 История медицины / Л. Менье ; пер. И. А. Оксёнова. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 320 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-07076-7

В издании излагаются основные моменты становления и развития медицины, начиная с врачебного дела в эпоху древних индоевропейских народов и во времена Гиппократов и заканчивая медициной последней трети XIX века. Подробный фактический материал дополнен рядом исторических и бытовых справок, которые помогают почувствовать «дух» той или иной эпохи.

Переводчиком труда Менье Л. стал врач и поэт Оксёнов И. А., одновременно являющимся и автором очерка по истории русской медицины, представленного в настоящем издании.

Печатается по изданию Менье Л. История медицины. С приложением очерка истории русской медицины. Москва-Ленинград: Госиздат., 1926.

Книга рекомендуется врачам и биологам, но будет интересна и широкому кругу читателей.

УДК 61:93
ББК 5г

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	4
--------------------------------------	---

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

Глава I. Медицина до Гиппократы.....	7
Глава II. Медицина в эпоху Гиппократы. Гиппократово собрание	14
Глава III. Медицина после Гиппократы (до Галены).....	36
Глава IV. Медицина с эпохи Галены до XVI столетия.....	54
Глава V. XVI столетие	81
Глава VI. XVII столетие.....	108
Глава VII. XVIII столетие	138
Глава VIII. XIX столетие	181
Глава IX. Медицина в XIX столетии	232
Приложение. Краткий обзор истории русской медицины.....	291

Предисловие к русскому изданию

История науки представляет всегда крайне увлекательный предмет, вместе с тем, углубляющий и дополняющий наши знания и воззрения. Нет надобности распространяться о ценности исторической точки зрения, под углом которой развитие науки приобретает особое значение и ясность. Эти соображения положены в основу издания настоящей книги, — тем более необходимой, что по истории медицины в данное время на русском языке, можно сказать, почти ничего нет.

Мы уверены, что книга Менье окажется полезной не только для врача и биолога, но и для каждого читателя, интересующегося путями, которыми идет наука в своем непрерывном развитии. Не будет преувеличением сказать, что предлагаемая книга читается подобно роману, — автор щедро (иногда даже слишком) пересыпал «сухой» фактический материал рядом исторических и бытовых справок, воплощающих «дух» той или иной эпохи и носящих подчас анекдотический характер.

Книга Менье обладает обычными достоинствами и недостатками французских ученых сочинений: блестящее изложение, живость, остроумие, эрудиция и, вместе с тем, — многословие, несистематичность, перегруженность материалом, отсутствие вдумчивого анализа исторической обусловленности ряда важнейших открытий в медицинской науке, чрезмерная оценка роли отдельных личностей в истории медицины и, наконец, элемент национализма: французская медицина, конечно, на первом плане, а русской медицины для автора не существует, за исключением Мечникова и еще двух-трех более или менее случайных имен. Вот почему книга нами несколько совращена за счет повторений, мелких технических и бытовых подробностей, цитат и т. д., и, кроме того, добавлен краткий очерк истории русской медицины, — в сожалению, далеко не исчерпывающий, за отсутствием и недоступностью материалов.

И. Оксенов

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

Глава I

МЕДИЦИНА ДО ГИППОКРАТА

(2000—460 гг. до нашей эры)

Первый литературный памятник подлинно медицинского характера относится к 400-му году до нашей эры. Это — так называемые сочинения Гиппократово Собрание (*Corpus Hippocraticum*).

Одна из глав этого памятника, автором которой Литрэ считает самого Гиппократово, посвящена «древней медицине». Мы узнаем оттуда, что уже в глубокой древности медицина владела особыми методами, с помощью которых ей удалось совершить многочисленные и прекрасные открытия.

Попробуем кратко обрисовать основные черты развития медицины у древних народов индо-европейской культуры, явившихся предшественниками греков.

Индия периода Вед (1800—800 гг. до нашей эры). Для индусов сущность жизни заключалась в *дыхании* (Риг-Веда), оживляющем тело; сущность здоровья — в гармонии между *дыханием*, *желчью* и *кровью*. Болезнь — не что иное как нарушение этой гармонии. Роль врача — восстановление этого равновесия помощью различных лекарств, извлекаемых главным образом из растительного царства. Целебные свойства растений, ставших впоследствии предметом культа, происходят от солнечных лучей, от гроз и дождей. Индусы насчитывали сто семь видов «древних растений, порожденных богами, живущих в продолжение трех времен года и обладающих свойством предупредить болезни». Среди лекарственных растений различали «освободительниц от болезни Варуны» (водянки), «могущественных разрушительниц» действия различных ядов, исцелительниц сухотки и т. д.

Сходство злокачественной лихорадки побережий Ганга с симптомами, наблюдающимися при укусах змей, заставило индусов думать об аналогии между тем и другим страданием. По аналогии производилось и лечение.

Индусы распознавали различные формы лихорадки; им была известна лихорадка, «сжигающая внезапно» или «медленным огнем»; «холодная» и «пылающая» лихорадки; наконец, лихорадка, возвращающаяся на следующий после приступа день или на третий, и ежедневная. Все эти формы мы встретим впоследствии и в Гиппократовом Собрании.

Порошок нарда (*andropogon*) считался глистогонным; средством от проказы — втирания из *costus speciosus*; при кровотечениях и, в особенности, при ранениях — камедь, в виде настойки или жидких пластырей, которая «соединяет тело с телом, кожу с кожей, волос с волосом, заживляет кости, заставляет прирастать отсеченные части».

При укусах змей применялось высасывание или прижигание раны; позже стали известны рвотные средства. Однако, в связи с мистическими воззрениями на сущность болезни, в почете были и всякого рода заклинания, амулеты, талисманы. После того как медицина из рук жрецов перешла в ведение собственно «врачей», последние стали считаться с точки зрения браминов нечистыми существами.

Законы Ману содержат драгоценные гигиенические и профилактические предписания, порою очень строгие. Так, больной чахоткой приравнялся по степени его опасности для окружающих в прокаженному. Брамину воспрещалось вступать в брак с девушкой, в числе предков которой имелись чахоточные, эпилептики, прокаженные, даже диспептики (предположение о наследственности рака желудка?). Запрещалось употребление спиртных напитков. Врачи, плохо знающие свое искусство, наказывались штрафом.

Индусы различали в природе четыре стихии: эфир, воздух, огонь, воду и землю. Божество медицины — Ваю или Вудра — был повелителем оздоравливающих, очистительных ветров.

Иран (2000—800 гг. до нашей эры). В религии Заратустры гений медицины назывался Амхаспанд Ардибехешт. Как и в Индии, первыми медиками у персов были жрецы, — «маги». Но уже во времена Заратустры медицина стала «светской», и право практики получали лишь выдержавшие известные испытания.

Эти испытания производились на больных из низшей касты («врагах Агура-Мазды»); если трое пациентов выздоравливали, кандидат-медик получал право лечить и лиц высших классов («друзей Агура-Мазды»).

«Три орудия есть у врача: слово, растения (лекарства) и нож».

Пиндар говорит то же об Эскулапе. С первого из этих средств следует всегда начинать; это — способ часто наилучший и вполне достаточный.

В Заратустровой системе мира — четыре стихии. Печень, по его мнению, местопребывание страстей. Наибольшее внимание Заратустра уделяет гигиене. Чистота тела неразрывно связана с нравственностью. Женщина в менструальном периоде считается нечистой в течение 8 дней; после родов — 40 дней.

Прокаженных следует изолировать; кладбища должны располагаться на возвышенностях; следует препятствовать лесоистреблению, так как деревья очищают воздух. Наконец, особое внимание должно быть направлено на качество воды — «царицы небес, дочери Агура-Мазды»: вода должна быть безупречной чистоты, так как из всех стихий она наиболее важна для человека.

Египет (2000—715 гг. до нашей эры). Царица Изида, вне следствия превращенная в богиню, считалась, по-видимому, изобретательницей

врачебного искусства, а Гермес (Тот) считался автором медицинских правил и предписаний, содержащихся в некоторых из 42-х так называемых герметических книг. Эти книги хранились в храмах и трактовали: первая — о строении человеческого тела, вторая — о болезнях вообще, третья — о медицинских инструментах, четвертая — о болезнях глаз, пятая — о женских болезнях, а шестая, считавшаяся фундаментальной, содержала семиотику и диагностику. Некоторые книги из Гиппократова Собрания имеют кое-что общее с этими трактатами.

Для египтян, как и для индусов, жизнь заключалась в дыхании; это воззрение, переданное дальше через ионийских философов, можно встретить и в Гиппократовом Собрании.

Практическая медицина в Египте находилась долгое время в руках жрецов, которые наибольшее внимание обращали на гигиенические предписания, — например, советовали, в целях предохранения от заболеваний, воздержность в пище, следили за чистотой воздуха (с этой целью состоятельные люди производили благовонные окуривания) и т. д.

С той же профилактической целью практиковалось каждые три дня очищение организма, заключавшееся в приеме рвотного или промывании кишечника, или, наконец, просто в полном воздержании от пищи. Египтяне полагали, что именно в пищевых продуктах содержатся элементы, причиняющие заболевания, и что можно предохранить себя от болезней, периодически освобождая свой организм от излишков. Таково происхождение того метода профилактического очищения кишечника, о котором вновь говорят в наши дни.

Египтяне знали о существовании кризиса в острых заболеваниях, считая критическим днем — 10-й с начала болезни.

Египтяне употребляли крайне разнообразные лекарственные вещества и формы: мази, растворы, горчичники, клизмы (изобретение последних приписывают египтянам); мед, ладан, поваренную соль, кедровое масло, кору сикоморы, селитру, медный купорос, мемфисский камень, квасцы, мозг, печень, кровь различных животных, олений рог.

При лихорадках — стремились вызвать потоотделение, окутывая больного; если этого не удавалось достигнуть, случай считался серьезным.

Употреблялись также втирания растительного масла с цветами ромашки; ромашка, таким образом, одно из древнейших лекарственных средств.

Позже храмы Изида опустели; служители культа оставили медицину, и, так же как было в Индии и Иране, появились «светские» врачи. В эпоху, о которой говорит Геродот, в Египте было уже много врачей с различными «специальностями»: врачи по болезням глаз, головы, желудка, зубов, терапевты. Их деятельность регулировалась строгими законами. Врачи обязаны были повиноваться определенным предписаниям; при соблюдении этих правил врач ничем не рисковал при неудачном исходе лечения; в противном случае врач рассматривался как убийца и сам подвергался смертной казни.

Среди правил, придерживаться которых были обязаны египетские врачи, одно из наиболее известных — запрещение, при острых заболеваниях, назначать больному рвотное или слабительное ранее 3-го дня болезни (Геродот).

Для греков египтяне были изобретателями медицины, в особенности профилактической. «Вот почему, по общему признанию, египтяне — народ самый здоровый из всех и наиболее долговечный» (Изоkrat).

Вавилон и Ассирия (2000—556 гг. до нашей эры). Царь Вавилона, Хаммураби, чьи законы вообще отличались крайней жестокостью, не давал пощады и врачам; в случае потери глаза у пациента, виновный в этом врач должен был платиться своими руками. Однако медик, «исцеливший поврежденный член или ожививший больной орган», заслуживал награды в пять сиклей серебра.

У менее культурных ассирийцев существовал, по словам Геродота, своеобразный обычай: больных выводили на общественные дороги, и каждый проходящий мог «исследовать» больного и давать свои советы, в особенности если болезнь была прохожему почему-либо известна. Этот первобытный эмпиризм, отмеченный Страбоном у португальцев, далеко не так нелеп, и, быть может, из подобных обычаев когда-либо зародилась медицина.

«Настоящих» врачей ассирийцам приходилось выписывать из Египта, так как в Ассирии практиковали только жрецы, лечившие от всех болезней «волшебными напитками».

Евреи (1700—500 гг. до нашей эры). В представлении древних евреев жизнь — дыхание, поддерживаемое кровью; кровь — основа всякой жизни, каждого существа. «Итак, сказал я Бен-Израилу: не употребляйте в пищу ничьей крови, так как жизнь каждого тела, это — его кровь».

Печень считалась евреями источником всех страстей и огорчений; сердцу приписывалась мыслительная способность. Наиболее употребительные лекарства были: бальзамы, растительные масла, «спасительные растения».

Во времена Езекииля хирурги умели залечивать переломы. Медиками были левиты. Гигиенические указания касались женщин, считавшихся нечистыми в менструальном и послеродовом периоде. Но в особенности строги в Книге Левитов предписания относительно прокаженных. Левиты исследовали подозрительного по проказе больного, держали его под наблюдением в течение недели; если обнаруживалась проказа, больной объявлялся нечистым, изолировался и должен был носить особую одежду. При выздоровлении последняя часто подвергалась сожжению. Помещения, в которых жили больные, подвергались дезинфекции посредством оштукатуривания стен заново.

Акушерством занимались исключительно женщины. Библия (Книга Исхода) называет имена первых повивальных бабок — Шифра и Пуа (судя по именам, — египетского происхождения).

Греки (1500—480 гг. до нашей эры). Богом медицины считался Аполлон; богини носили имена Гигии и Панацеи.

В эпоху несколько менее мифическую Меламп Аргосский вылечил дочерей царя аргивян Пета посредством корневища черной чемерицы (*Helleborus niger*) и горячих ванн.

Он же восстановил силы Ификла, назначив ему приемы железной ржавчины. Наконец Орфей, исцелявший пением и музыкой, уже знал, по словам предания, употребление лекарственных растений.

Знаменитая полумифическая личность — Эскулап — считался греками основателем медицины (1143 г. до нашей эры) и сыном Аполлона. Он принимал участие в походе Аргонавтов, был основателем рода Асклепиадов; позже личность Эскулапа подверглась обожествлению, в честь его были построены храмы в Эпидавре, Косе и Книде. Новейшие исследования, однако, установили, что первый из этих храмов, не уступающий нашим лучшим современным санаториям, мог быть построен лишь около 380—375 гг. до нашей эры.

По словам Пиндара, Эскулап «исцелял больных ласковым, магическим словом, иным давал сильнодействующие напитки или возлагал на больные члены лекарственные травы и, наконец, часто вводил в раны острое лезвие».

Таким образом методы Эскулапа ничем не отличались от способов действия иранских врачей. Гален утверждает, что в некоторых случаях (по-видимому в тех, которые мы теперь относим к различным формам неврастения) Эскулап применял физические методы лечения, спорт, развлечения: пение, музыку, игры мимов и т. д.

Цицерон приписывает Эскулапу изобретение зонда (*specillum*) для исследования ран, о котором часто упоминается в книгах Гиппократа.

После Эскулапа медицина долгое время обитала в храмах и только в VI—V столетиях до нашей эры сделала попытку освободиться из-под власти религии.

Большое влияние на медицину в этом периоде оказали философы так называемой ионийской школы (Анаксимандр, Фалес, Анаксимен, Пифагор и др.).

Несмотря на наивность их космогоний, заимствованных большей частью с Востока, ионийцы стремились к познанию человеческого организма, сущности и причин болезни и, в особенности, способов предупреждения последних. Так Пифагор, метафизик и вместе творец теории чисел, приписывал огромную важность особому диететическому режиму (*διαίτης*). В терапии он применял успокоительно действующие музыку и пение, также и «магические» стихи. Один из учеников Пифагора, Алкмен Кротонский (500 г. до нашей эры) впервые начал анатомировать животных. Другой пифагорец, Филолай, в трактате «О природе» считает четыре органа наиболее важными в организме: мозг — местопребывание ума; сердце — вместилище «чувствующей души»; пупок и половые части — органы размножения.

Эмпедокл Агригентский (504 г.), медик и поэт, видел в мире четыре стихии (вода, земля, воздух, огонь) и четыре качества: сладкое, горькое, кислое и горячее; из комбинаций этих элементов, их притяже-

ний и отталкиваний, происходят все явления. Эмпедокл — автор теории дыхания, цитируемой Аристотелем. Дыхание он считал явлением «аналогичным тому, что происходит в водяных часах».

Анаксагор из Клазомены (500 г.) — автор теории гомеомерий, возобновленной Галеном, — видел в желчи причину всех болезней. Демокрит из Абдеры (439 г.) — творец атомистической теории — написал много недошедших до нас сочинений по анатомии, физиологии, диететике, об острых заболеваниях, лихорадках и эпидемиях.

Эпохе Гиппократу непосредственно предшествовали три чисто-медицинских школы: Кротонская, Родосская и Киренская. Книдская школа явилась современницей Гиппократу и известна главным образом соперничеством с Косской школой, знаменитой благодаря своему основателю.

Эпихарм Косский так формулировал принципы философии медицины: «Природа одна знает то, что является спасительным; это знание ей никем не дано, ибо она учится только у себя самой». Это положение стало руководящим в Гиппократовом Собрании.

Эврифон Книдский лечил чахоточных прижиганиями и женским молоком. Он полагал, подобно египтянам, что причина всех болезней — излишество в пище.

Наконец, к упомянутым философам и врачам следует присоединить еще так называемых учителей палестры, занимавшихся вначале хирургией (лечением ран, вывихов и переломов) и позже перешедших к внутренней медицине. Их методы лечения болезней посредством мочи оказались действительными в хронических случаях, и популярность их превысила авторитет асклепиадов.

Таким образом еще до Гиппократу существовала медицина, не оставившая, правда, письменных документов, подобно Гиппократову Собранию, но оставившая следы в сочинениях историков и компиляторов. Можно поэтому согласиться с Литрэ в том отношении, что «терминология болезней существовала еще до школы Гиппократу, и последняя не внесла в нее ничего нового, пользуясь языком, созданным предшественниками».

Достижения древней медицины

Древняя медицина описывает четыре острых заболевания: плеврит, воспаление легких, горячку и лихорадочное заболевание, известное под именем phrenitis.

Древним были известны: слабительные, рвотные, кровопускание, клизмы, суппозитории, прижигания; диета, состоявшая при острых заболеваниях в назначении молока и сыворотки; в хронических случаях режим заключался в купаниях и физических упражнениях. Лечение ран производилось с помощью наружных средств, прижиганий и надрезов. Древние медики умели вправлять вывихи и лечить переломы; они делали трепанацию черепа и эмбриотомию, проколы брюш-

ной полости при асците и полости плевры — при эмпиемах, вскрывали абсцессы печени и, по-видимому, были чрезвычайно опытные в гинекологии. Акушерством занимались женщины; однако есть основания думать, что в известную эпоху этим делом занимались и врачи.

Древняя медицина допускала существование четырех стихий (воздух, огонь, земля и вода), четырех соков в человеческом организме (кровь, лимфа, желтая и черная желчь); жизненная сила считалась заключающейся в дыхании.

Древние были сравнительно мало сведущи в анатомии и физиологии, зато весьма осведомлены в искусстве диагноза или, вернее, прогноза.

Древняя медицина, происхождение которой восходит к временам доисторическим, была из Индии перенесена в Египет посредством народов, населявших долину Тигра и Ефрата; ее дальнейший путь — из Египта в Грецию — совершился, вероятно, при посредстве финикийцев.

Это краткое обозрение успехов древнейшей медицины не должно отнять какой-либо доли ценности у Гиппократовой школы, проникнутой позитивным и рациональным духом греческого гения, так превосходно очерченным Гомперцем в его замечательной работе о греческих мыслителях. При анализе Гиппократова Собрания мы встретим почти всюду этот «сомневающийся, вечно бодрствующий дух, бесстрастно исследующий явления, непреодолимую потребность обобщений, соединенную с наблюдением, настолько деятельным и проницательным, что оно не упускает из вида ни малейшей подробности изучаемого явления».

Глава II

МЕДИЦИНА В ЭПОХУ ГИППОКРАТА.

ГИППОКРАТОВО СОБРАНИЕ

(460—400 гг. до нашей эры)

Известно, что в собрании сочинение, приписываемых Гиппократу, содержится очень мало действительно ему принадлежащих. Таким образом из шестидесяти книг Грюнер считает подлинными только десять, Галлер — одиннадцать, Литрэ — двенадцать, а Даремберг — всего лишь две.

Однако в виду того, что это собрание образует известное целое, носящее имя Гиппократовой медицины, от которой происходит вся современная медицинская наука, нам показалось уместным подвергнуть этот памятник рассмотрению в целом, в том виде, в каком его представляют различные издания XVI века; при этом мы не будем останавливаться на вопросах авторства.

Первое известное нам в истории специально-медицинское сочинение — книга «Об искусстве», приписываемая Гомперцем Протагору, — устанавливает прежде всего сущность медицины, отрицаемой невеждами или парадоксальными умами, оспаривать которых невозможно, не договорившись о целях медицины.

В самом деле, медицина имеет целью «или полностью избавить больного от его болезни, или уменьшить остроту бурных заболеваний, но не предпринимать лечения тех, кто уже побежден болезнью, ибо известно, что таковых медицина исцелить не может».

Определив таким образом цели и границы медицины, автор получает возможность ответить на возражения против ее ценности.

Первое возражение: врач не излечивает всех болезней; если он излечивает некоторые из них, то лишь благодаря случайности. Конечно, нельзя отрицать ни случайности, ни счастья в некоторых исцелениях; но на долю случая приходится ничтожная часть выздоровлений. По большей части выздоравливают те больные, за которыми был хороший уход, и, наоборот, погибают те, которые были плохо лечены. Об этом же свидетельствует и общественное мнение, так как к заболевшему обыкновенно спешат позвать врача, очевидно потому, что в его вмешательстве видят известную пользу.

Второе возражение: почему иногда больные вылечиваются и без помощи врача? Этого не могло бы случаться, если бы медицина действительно существовала.

Однако надо знать, каким образом совершается в этих случаях исцеление. Несомненно, оно происходит путем применения различных средств: купаний (или, наоборот, воздержания от них), диеты или усиленного питания, отдыха или физических упражнений. Между тем все эти средства являются составной частью медицины, рекомендующей одни из них, как полезные, или запрещающей другие, как вредные.

Третье возражение: почему некоторые из больных, леченных врачами, все же умирают?

Это происходит чаще от непослушания больных, не выполняющих предписаний врача, чем от его неопытности. Кроме того, всякое искусство имеет свои пределы. Существуют болезни, неизлечимые для врачебного искусства.

Здесь одновременно дается ответ и на четвертое возражение, упрекающее врачей в отказе от лечения безнадежных больных.

Итак, медицина есть вполне достоверная реальность. Это — искусство, и притом трудное искусство, так как в некоторых случаях, особенно в области внутренних болезней, диагностика бывает весьма нелегкой, и врачу приходится прибегать в построению диагноза индуктивным путем. Поэтому не следует удивляться, если врач с большою медлительностью выносит свое решение и с большою осторожностью назначает лечение, ибо только с помощью косвенных указаний ему удастся построить свою терапию.

Врач должен опираться на факты. Однако к фактическим данным, к наблюдению и эмпирии, он должен присоединять весь опыт, добытый наукой, и совершенствовать этот опыт разумным направлением своих построений. Эта новая медицина будет отныне медициной рациональной, опирающейся не на гипотезы, но на факты, на наблюдение, соединенное с рассуждением; в этом сущность Гиппократовой медицины, на которую со временем обрушились атаки эмпириков и методиков.

Врачебная клятва. Будущий врач получал право практики лишь после принесения известной клятвы, призывавшей в свидетели «врача Аполлона, Гигию и Панацею и всех богов и богинь».

Врач обязывался: «лечить больного согласно своим знаниям и власти и устранять от него всяческое зло и вред; никому и никогда, несмотря на самые пламенные просьбы, не давать в руки какого-либо яда¹, и не давать женщинам, несмотря на самые пламенные просьбы, abortирующего пессария²; вести здоровую и чистую жизнь; не производить операций камнесечения и направлять больных, нуждающихся в этой операции, к специалистам (хирургам); где бы, в каком бы доме врач ни находился, воздерживаться от нанесения каких-либо обид и в особенности от разврата, — не вступать в половые сношения ни с женщинами, ни со свободными гражданами или рабами³, подлежащими его лечению; сохранять в себе, как тайну, все, что

¹ Врач приготовлял и распределял лекарства.

² Под именем пессария подразумевался тампон, пропитанный abortирующей жидкостью и вводимый во влагалище.

³ Гомосексуализм был весьма обычен и непредосудителен. (Прим. автора.)

он увидит и услышит в качестве врача, и все то, что он узнает в частной жизни больного, неподлежащее оглашению».

Эта присяга имеет жреческий характер, но не следует забывать, что корпорация врачей в те времена была строго замкнутым обществом. Присяга эта содержит вкратце все основные положения современной врачебной этики.

Указания относительно обязанностей врача встречаются, кроме того, в различных книгах. Врач должен быть приветлив, точен, обладать присутствием духа, никогда не сообщать больному об опасности его положения, в тяжелых случаях врач обязан созвать консилиум. Что касается гонорара, врач должен быть умеренным в своих требованиях; короче говоря, врач обязан быть истинным философом (другом мудрости).

К этим предписаниям нравственного порядка присоединялись кое-какие технические советы. Врач обязан был иметь для своей практики особое помещение с достаточно хорошим освещением, изменявшимся для целей исследования, чистой водой, полотном, губками и лекарствами для примочек и перевязок. Инструменты должны были сохраняться в величайшей чистоте. Это был род диспансера, где производилось также обучение будущих медиков и хирургов, практиковавшихся в кровопусканиях, наложении банок (сухих или с насечками), перевязок, бандажей, вскрытии нарывов ланцетом или раскаленным железом; там же вправлялись вывихи, соединялись переломы и изготовлялись лекарства для наружного и внутреннего употребления: в ту эпоху не существовало фармацевтов, были лишь продавцы лекарств.

Здоровье и болезнь по взглядам школы, Гиппократ. В человеческом организме — четыре жидкости: кровь, мокрота, желтая и черная желчь; от них зависит и здоровье, и болезнь человека. Здоровье заключается в нормальном качественном и количественном равновесии и пропорциональном смешении этих жидкостей. Болезнь наступает, когда одна из жидкостей убывает, или нарастают в сверх меры, или отделяется от тела и не участвует в общей смеси.

Таково происхождение гуморального учения, изложенного в «Природе человека» — книге, приписываемой Полибию, зятю Гиппократу. Нормальная пропорция соков, обуславливающая здоровье, называется конституцией. Болезнь есть нарушение конституции. Здоровье восстанавливается силами природы, возвращающими соки организма в равновесие, внешним выражением чего является кризис. Наши современные воззрения недалеко ушли от этой древней и примитивной концепции.

Открытие патогенных микробов показало, что именно в «соках» организма развертываются болезненные процессы. С другой стороны, нельзя отрицать защитных «природных» свойств, присущих организму.

Причины заболеваний, по воззрениям школы Гиппократу, коренятся или в образе жизни больного, или в воздухе, которым он дышал («миазмы»), — это приблизительно соответствует нашему делению

инфекций на авто- и гетерогенные. Кроме того, возможны многие случайные причины: резкие перемены температуры, сильный жар или холод, усталость, волнения, изменения образа жизни и т. д., — словом, все то, о чем говорится в наших учебниках патологии в главе об этиологии болезней.

Болезни, описываемые в Гиппократовом Собрании, крайне многочисленны. Мы будем говорить главным образом о тех, которые можно отождествить со встречающимися в наши дни.

Острые заболевания. Из них до эпохи Гиппократа были известны плеврит, пневмония, одна из болотных лихорадок (*phrenitis*) и горячка.

Симптомокомплекс плеврита описывался следующим образом: лихорадка, боль в боку, ортопное, кашель и мокрота, вначале — с примесью желчи, на пятый-шестой день — с примесью гноя. При пневмонии описывалась та же картина, но мокрота, вначале густая и бесцветная, должна была на 6—7-й день стать жидкой и желтого цвета, на 8—9-й день — гнойной. Ржавая мокрота была уже известна, но приписывалась скорее плевриту.

Довольно трудно определить, каким образом ставился дифференциальный диагноз между плевритом и пневмонией. Вероятно, это стало возможным лишь после изобретения аускультации и перкуссии. В XVII веке Ван-Бельмонт, заболевший пневмонией, считал себя больным плевритом. Терапия при той и другой болезни была одинакова: грелки на больную область, кровопускания и слабительные.

Исход плеврита или пневмонии в нагноение был, очевидно, достаточно частым, если судить по искусству, с которым греческие врачи ставили диагноз эмпиемы и оперировали последнюю.

Книдская школа применяла в целях ускорения вскрытия абсцесса — вливания в легкие и встряхивание больного, который для этого привязывался в лестнице. Подобные методы, грубые и небезопасные, внушали отвращение коским врачам. Последние прибегали к вскрытию плевральной полости посредством раскаленного железа или прокола, обыкновенно на 15-й день с предполагаемого времени образования абсцесса.

Чаще всего вскрытие полости плевры производилось в два приема: первый — тупой — прокол проникал только в кожу; затем посредством острого инструмента, обернутого полотном до острия, которое оставалось непокрытым лишь на ноготь большого пальца, вскрывалась уже самая полость плевры и удалялся гной. В отверстие вводился дренаж — полотняная полоска; опорожнение полости производилось раз в день. На 10-е сутки производилось впрыскивание вина и тепловатого масла для того, чтобы легкое, «привыкшее в омыванию гноем, не стало бы внезапно сухим». Когда количество гноя уменьшалось, и он становился менее густым, водянистым или слизистым, в полость вводилась металлическая трубочка, постепенно обрезавшаяся и, наконец, удалявшаяся.

Что касается упомянутых выше phrenitis и горячки, их следует отнести к различным формам злокачественных болотных инфекций, так же, как так называемую «lethargos» — коматозная форма болотной лихорадки. Сюда же относятся известные и нам лихорадки: ежедневная (quotidiana), tertiana, quartana, hemitritea. В настоящее время все взгляды сходятся на том, что в эпоху Гиппократов малярия была эндемическим заболеванием в большей части Греции.

Болотная кахекия прекрасно описана в книге «Воздуха, вод и земель»:

«У этих людей (больных лихорадкой. — И. О.) всегда огромная и твердая селезенка, живот втянутый, тощий и горячий, их плечи и ключицы торчат, лишенные мяса. Их тело тает за счет селезенки. Они постоянно голодны, страдают сильной жаждой, подвержены частым и опасным водянкам, поносам и дизентериям; они же, кроме того, страдают продолжительными четверодневыми лихорадками, оканчивающимися водянкой и смертью».

Т е р а п и я . Основы Гиппократовой терапии были построены на учении о противоположных воздействиях.

«Quod quoscumque morbos repletio parit, evacuando sanat, et quicumque evacuatione fiunt morbi, repletio sanat, quicuraque a labore fiunt, quies sanat».

То есть: в случаях переполнения желудка — опорожнение, в случае недостаточного питания — усиленное, при утомлении — отдых, и т. д.

Кроме фармакологических средств, гиппократики применяли особого рода режим, диеты, которым приписывалось огромное значение. Косская школа считала себя искуснее кидских врачей, назначавших лишь слабительные, молоко или сыворотку в случае необходимости. Так при острых заболеваниях назначался отвар из очищенного ячменя, имеющий все питательные свойства хлебных злаков; отвар давался целым или процеженным, соответственно силам больного. Вместе с отваром назначалось вино с медом, вино чистое — красное или белое, мед (напиток), мед с уксусом и водой или ячменной водой, отвары из трав, из сухого винограда, оливок, пшеницы, настойки из миртовых ягод и зерен граната.

Прибавим, что при острых заболеваниях очень охотно назначались горячие ванны, если у больного была к тому возможность (при пневмонии, горячке). Ванны были противопоказаны у больных с расстроенным кишечником, у слабых больных с тошнотами, рвотой и носовыми кровотечениями.

А н г и н а . Прежде чем перейти к другим острым заболеваниям, отметим болезнь, не встречавшуюся в медицинской номенклатуре до Гиппократов, — ангину.

Лечение ангины было крайне разнообразно: флеботомия, сухие банки на затылочную область шеи, ароматические окуривания и полоскания мятой, опиум, майораном и т. д.; в случае нагноения — вскрытие абсцесса; в случае непроходимости трахеи и грозящего задуше-

ния — введение в трахею трубочки — способ интубации, который, таким образом, является очень древним. Мы видели выше, что книдские врачи практиковали инъекции в трахею.

Легочная чахотка. Среди прочих заболеваний наиболее частым и наиболее смертельным уже в те времена была «чахотка», т. е. туберкулез легких. Об ее заразительности в книгах не упоминается, быть — может потому, что в ту эпоху заразительность чахотки принадлежала к числу народных поверий. Наследственность признавалось безусловно: «чахоточный родится от чахоточного». Эта болезнь поражает преимущественно известные темпераменты — флегматиков, с гладкой, безволосой, беловатой кожей; рыжеватых, с дикими глазами, с телом мягким и одутловатым, с выдающимися лопатками. Чаще всего эта болезнь встречается в возрасте от 14 до 35 лет. Весна для чахоточных — плохое время года, но еще худшее — осень.

Чахотка отнесена к числу болезней с роковым прогнозом. Между тем захваченная в начале, она может быть излечена. Следует тогда же назначать слабительные, как, например, чемерицу; затем чечевичный отвар и молоко. В некоторых случаях рекомендуется одно лишь молоко: коровье, ослиное или козье, парное или кипяченое, смешанное с медовой водой и майораном в отношении 1:3. Из кушаний назначают вареную баранину, дичь, жирную рыбу; если больной переносит, то предпочтение отдается жирным и соленым блюдам. Кроме того, больной должен получать красное, очень старое вино. Больному полезно совершать прогулки вдали от солнца и ветра, совершать прохладные обмывания всего тела.

Больной должен избегать холода и сырости.

В течение этого периода в медицине широко применялось прижигание груди: «urito per buxos in oleum fervens aut per fungos octo crustas inurito».

Туберкулез костный и суставной упоминается в его наиболее частых формах: Поттова болезнь, коксалгия.

Столбняк был у древних греков, по-видимому, частым осложнением ранений пальцев и головы и рассматривался как очень серьезное заболевание. Однако, бывали и случаи выздоровления. При контрактуре жевательных мышц и невозможности, вследствие этого, питания через рот, пища в жидком виде вводилась через нос.

Opisthotonos, *emproathotonos* стали классическими терминами. Лечение состояло в кровопусканиях, натирациях вощаной мазью, горячих обливаниях, возбуждающих напитках, среди которых упоминается критское вино.

Апоплексия — частое заболевание: «*Sanum derepenite invadit dolor circa caput; et statim vox intercipitur, et stertit et os hiat; si quis ipsum vocet aut moveat solum suspirat: nihil autem intellegit et multum mingit et mingere se non sentit*». Невозможно дать более точную клиническую картину апоплексии.

Истерия рассматривалась как следствие перемещения матки вверх, до самых подреберий. Здесь гиппократики оказались менее

счастливыми наблюдателями: дух исследования, им присущий, изменил им на этот раз.

Чтобы заставить матку вернуться на место, ее пытались привлечь в вульве ароматическими окуриваниями этой области; чтобы удалить матку из верхнего отдела брюшной полости, больную заставляли вдыхать неприятные запахи: тюленьего масла, фитиля только что погашенной лампы.

Описывалась преимущественно «малая истерия»: удушье, рвота, остановка дыхания, боли в сердце, похолодание конечностей и пр.

Hysteria magna также упоминается; для отличия ее от эпилепсии рекомендуется сжать больную руками: если она ощутит прикосновение, то это — истерический, в противном случае — эпилептический припадок.

В эпилепсии, называвшейся также «священной болезнью», не усматривается ничего священного; меры религиозного порядка в ее отношении бесполезны. Эпилепсия — болезнь нервной системы, и, в частности, «мозга, органа разума и рассудка».

Психические болезни. Причиною их считалось возбуждение мозга соками организма — мокротой или желчью. В первом случае больные спокойны, не испускают криков, не возбуждены; если виною желтая желчь, больные возбуждены, испускают кривы, вечно в движении, питают злые замыслы.

У пораженных черной желчью — меланхоликов — преобладает мрачное настроение с склонностью в самоубийству. Это часто бывает у девушек в периоде наступления менструаций, особенно если последние недостаточны.

Неврозы. В эту отдаленную эпоху (век Перикла) существовала уже значительно развитая городская культура с ее болезнями: неврастения, фобии различного рода, глазная мигрень (*migraine ophthalmique*) уже тогда наблюдались и описывались.

Вот пример: «У Демокла помутилось зрение и ослабело все тело; он не мог проходить возле пропасти, ни через мост, ни над оврагом, даже самым неглубоким; он мог идти только по самому дну оврага».

Часто упоминается никталопия.

Болезни печени. Прежде всего упоминается простая доброкачественная желтуха, затем *icterus gravis*, рак печени и абсцессы, — последние, по-видимому, довольно частые (палюдизм?), — их вскрывали раскаленным железом или ножом. Отмечена связь водянки с некоторыми поражениями печени.

По-видимому были известны кисты печени (быть может эхинококк? — И. О.): «*quibus hepar aqua repletum ad omentum eruperit, his venter aqua repletur et moritur*» — этот афоризм, очевидно, указывает на разрыв кисты печени в брюшную полость.

Болезни селезенки находились, по-видимому, в связи с «болотными» лихорадочными инфекциями.

Увеличение селезенки считалось частым симптомом лихорадки; в некоторых случаях за увеличением следовало нагноение. Речь идет здесь, несомненно, об осложнениях болотных лихорадок — гипертрофии и уплотнении селезенки.

Болезни кишечника. Из них описаны: энтерит, дизентерия, холера, *volvulus*.

Последний лечили раздуванием кишечника посредством бычачьего пузыря или кузнечных мехов.

Также описаны глисты: ленточные (*taeniae*) и круглые (*ascarides*).

Болезни мочевых путей: Почечная колика, при которой «человек страдает, как рожаящая женщина», уже наблюдалась. Случаи почечных камней были также известны и оперировались: «следует делать надрез почки и, удалив гной, лечить больного мочегонными».

Среди поражений пузыря отмечены странгурия, олигурия, язвы пузыря и камни. Диагноз последних ставился при помощи катетеризации.

Болезни суставов: артрит, подагра. Описана клиническая картина острого и подострого суставного ревматизма. Причиной подагры считалось отравление крови желчью и лимфой.

Против ишиаса назначались горячие ванны и припарки; если боль сосредоточится в определенном месте, откуда ее невозможно изгнать лекарственными средствами, делали прижигание суровым полотном.

Рак грудной железы и матки встречался уже довольно часто. Различались скрытый рак, которого не следовало касаться, и изъязвившийся; последний лечили соком дикого огурца.

Рак назывался также карциномой. «Некая женщина в Абдерах имела карциному груди; из соска у нее вытекала кровянистая жидкость; когда истечение прекратилось, женщина умерла».

Из глазных болезней часто встречались блефариты, зернистый конъюнктивит (трахома?), при котором практиковались скарификации, с последующим прижиганием веретенообразным прижигателем. Рекомендовалось остерегаться повредить зрачок и не прижигать до хряща.

Картина заболеваний по возрастам. Детские болезни. Сделав обзор заболеваний по возрастам, мы дополним список болезней, упоминающихся в Гиппократовом Собрании.

Дети поражаются судорогами, при высокой лихорадке, до семилетнего возраста; вообще дети подвержены афтам, рвоте, кашлю, припадкам, воспалению пупка, истечению из уха. Позже, при прорезывании зубов, бывают боли в деснах, лихорадка, судороги, поносы, особенно во время появления клыков.

В более позднем возрасте: ангина, вывих атланта (*malum Potti cervicale?*), астма, камни (мочевых путей?), глисты, бородавки, ушные боли, золотуха; с приближением зрелости — длительные лихорадки и носовые кровотечения.

Болезни юношества, зрелости и старости. У молодых людей от 21 до 25 лет — кровохаркание, чахотка, лихорадка, эпилепсия.

У взрослых наиболее обычны: астма, плеврит, пневмония, тяжелые лихорадки (lethargos, phrenitis, causos), хронические поносы, холера, дизентерия, энтерит, геморрой.

В старческом возрасте преимущественно: одышка, катарры дыхательных путей, расстройство мочеиспускания; боли в суставах, нефриты, головокружения, апоплексия, кахексия, зуд по всему телу, бессонница, катарры желудка, истечение из глаз и носа, амблиопия, глаукома, катаракты, ослабление слуха.

Эта картина, насчитывающая за собою около двух с половиною тысяч лет, нуждается, конечно, в некоторых дополнениях, чтобы стать современной; однако и в этом виде она заставляет нас признать, что между патологией человека V века до нашей эры и XX века нашей эры нет особенно большой разницы. Те же самые болезни, что наблюдали врачи эпохи Гиппократова, наблюдаем и мы.

Хирургия. Перейдем теперь в обзор хирургических повреждений и начнем с ранений.

Раны можно смачивать только вином, за исключением суставных ранений. При всяком свежем ранении, кроме ран брюшной полости, следует дать вытечь крови и затем наложить тонкую и мягкую губку, лучше сухую, чем влажную, которую следует покрыть листьями и, наконец, повязкой. В случае воспаления раны с образованием опухоли следует сделать надрез; в противном случае — накладывали примочки из селитры и мирры, из перебродившего вина и меда, из бычьей желчи и ладана. Назначались также порошок лотоса, лотос мацерированный в уксусе, квасцы, медный купорос. Для ран с более трудным рубцеванием существовало особо-действительное «Карийское лекарство», составлявшееся из черного морозника (чемерицы), сандарака, аурипигмента («желтого мышьяка»), медных опилок и шпанских мушек и имевшее вид либо порошка, либо жидкой мази (в соединении с кедровой смолой), — вещества все с антисептическими свойствами, некоторые даже прижигающие.

Прогноз при ранениях формулирован в различных главах Гиппократова Собрания следующим образом: при ранах живота, если сальник выходит наружу, он должен неизбежно омертветь; рассеченный кишечник не может срастись, так же как крайняя плоть, сухожилия, тонкие листки кожи. Смертельными считались ранения головного и спинного мозга, печени, диафрагмы, сердца, мочевого пузыря, больших вен, трахеи, легких и кишечника.

При травмах головы (контузии, ранения, переломы) применялась трепанация черепа, — одна из операций, древность которой в наши дни окончательно проверена и установлена (книдские врачи делали в случаях гидроторакса трепанацию ребра).

Переломы и вывихи. При переломах, делившихся уже на простые и осложненные, проводилось вытяжение и противовытяжение в естественном положении члена, — или руками хирурга и его помощника, или при посредстве особой машины, «скамьи», позже получив-

шей название «Гиппократовой скамьи». Тот же аппарат служил и для вправления вывихов.

При простых переломах иммобилизация достигалась путем лубков и повязок. При осложненных делались перевязки с воощаной мазью на смоле и применялся особый аппарат для соединения отломков. Если отломки выступали наружу, и сближение их было невозможным, их резецировали.

Крепитация, как диагностический признак, не отмечалась.

Изучены были следующие переломы: olecrani, ключицы, нижней челюсти, носа, остистых отростков позвонков, фаланг пальцев кисти, предплечья, плеча, стопы, голени, бедра и, наконец, костей черепа. Что касается наиболее частых вывихов, — плеча, локтевого сустава, бедра, — все они подробно описывались и послужили поводом к изобретению особых аппаратов для вправления, большею частью довольно сложных, описание которых здесь не может найти места.

Среди других хирургических страданий отметим:

Горбатость (кифоз), которую некоторые медики, весьма вероятно — книдские, будто бы излечивали встряхиванием больного на лестнице, вверх или вниз головой. «Встряхивания на лестнице не выпрямили никого, — это делается лишь на удивление народу».

Для искривлений нижних конечностей был построен особый протезирующий аппарат.

Геморроидальные расширения вен, вызывавшиеся скоплением желчи и лимфы в венах прямой кишки, лечили хирургическим путем (прижиганием или удалением). Таким же образом поступали с кондиломами и полипами recti; для распознавания последних пользовались особым зеркалом.

О грыжах, расположенных возле лобка, говорится, что они большей частью вначале невинны, но могут представить опасность и вызвать боли, тошноту и каловую рвоту, «как это случилось с Пит-таком». Подобные случаи (ущемление), аналогичные ileus и volvulus, считались смертельными.

Акушерство. Этой профессией занимались женщины; их профессиональные наименования были крайне различны.

Средняя продолжительность менструации считалась 4 дня, истечение крови равнялось полулитру (De Morbis Mul., lib. II).

Беременность. Беременной считали женщину, не имевшую менструации в продолжение 40 дней, страдающую болями под ложечкой, слюнотечением, необычным аппетитом, усиленной жаждой, с бледным цветом лица и веснушками, ощущающую тяжесть в брюшной полости и движения плода (мальчиков — в 3 месяца, девочек — 4 месяца). Этим активным движениям плода придавалось в акушерстве эпохи огромное значение. Считалось, что благодаря им могло во время утробной жизни происходить закручивание пуповины вокруг шеи ребенка; они считались причиной родовых схваток, разрыва оболочек и самого акта родов.

Предписывалось не перерезать пуповины до выхода последа на том основании, что плод, оказывая давление на плаценту посредством пуповины, вызывает выходение первой (De Morbis Mul., lib. II).

Средняя продолжительность беременности считалась равной $40 \times 7 = 280$ дней.

«Ребенок, находясь в матке, опирается руками на челюсти, а его голова — возле его ног».

Положения. Описаны различные положения; истинность закона приспособления плода была под сомнением, в виду существования косых положений.

«Si quis in vas olearium angusti oris nucleum immittat, non proclive est extrahere obliquatum» — «этот случай можно сравнить с косточкой оливы, которая, будучи вложена в сосуд с узким горлом, не может быть извлечена в косом положении».

Поворот на головку практиковался, когда плод выходил ягодичами или плечами. Впрочем, в последнем случае чаще делали эмбриотомию. Если плод показывался ножками, советовалось предоставить дело природным силам; если же только одна ручка или ножка показывалась в половой щели, рекомендовалось вправить их обратно.

Для произведения поворота женщине придавали акушерское положение, с подушкой под крестцом; оператор обязан был очень коротко обрезать себе ногти и смазать пальцы и руку жирным веществом. Таким же образом поступали при эмбриотомии, применявшейся в случае смерти плода (ложная теория активных движений!) или в тех случаях, когда по той или другой причине роды не могли протечь нормально.

Существовали два способа эмбриотомии: рассечение шеи плода, с последующим извлечением головки и затем туловища, или же раздробление головки, с постепенным извлечением ее частей и затем остального.

Сужения и пороки развития таза, по-видимому, не распознавались. Случаи послеродовой инфекции были часты. Наиболее типичное наблюдение имеется в книге III «Народных болезней» (14-я больная).

Речь идет о женщине, родившей двух девочек-близнецов и заболевшей сильной лихорадкой с бредом, бессонницей, обильным поносом, судорогами, и умершей при явлениях афонии и возбуждения на 17-й день.

Интеркуррентные заболевания беременных считались крайне серьезными. Смертельными при беременности считались: плеврит, воспаление легких, phrenitis, «горячка», — четыре острых заболевания, известных с древности.

Развитие зародыша, по воззрениям эпохи, совершается в матке посредством смешения мужского и женского семени. Семя притягивает и влагает в плод дыхание. Первый период развития зародыша сравнивается с процессами, происходящими в птичьем яйце («О природе ребенка»).

Гинекология. Большая часть сочинений о женских болезнях принадлежат, по-видимому, книдской школе, что, впрочем, ничуть

не уменьшает их интереса. Можно смело сказать, что гинекология создана книдскими врачами, и что большего не достигнуто и в XIX веке, когда многое из книдской практики заняло в науке почетное место, хотя считалось гинекологами вполне новым и современным.

Исследование *per vaginam* применялось для ориентировки относительно состояния влагалища, шейки матки, наконец, положения и степени плотности матки. Зеркала, подобно зеркалу для исследования *anus*'а, для исследования матки не существовало. Исследование производилось зондом (μίλη), называемым латинскими переводчиками «*specillum*» (уменьшительное от *speculum*), оказывавшим большие услуги. Иногда производилось искусственное опущение матки для введения в нее лекарств.

Одной из целей терапии было сообщить бесплодной женщине способность в деторождении, для чего следовало воздействовать на матку, как орган воспроизведения. Оплодотворение может отсутствовать вследствие различных причин, например потому, что мужское семя не достигает матки или, проникнув в нее, не задерживается в ней. Оплодотворение не может совершиться, если шейка матки не занимает нормального положения, если она отклонена или согнута в том или ином направлении, или если шейка закрыта, непроходима вследствие уплотнений. Семя также не удерживается маткой, если отверстие шейки зияет, если полость матки слишком суха или слишком влажна, если имеются выделения — белые, желтые или рыжие и т. д.

Смещения матки. Прежде всего — выпадение, как следствие опущения. При опущении применялись теплые и ароматические промывания с миртовым отваром, и больную заставляли лежать в постели в наклонном положении, с ногами приподнятыми выше головы. При выпадении матки, выходящей наружу из вульвы и висящей «подобно мошонке», применялось ручное вправление, после чего вводилась губка и накладывался бандаж. При невозможности вправления практиковалось встряхивание на лестнице, подобно тому как это делалось при горбатости или при эмпиэмах.

После вправления матки больная должна была лежать в течение недели со связанными ногами.

Боковые и косые смещения матки вправлялись ручными способами, массажем и лечились местными лекарствами, вводившимися в расширенную искусственно шейку.

«Postquam autem recens Iola luerit, os uterorum cum digito ad sanam coxam detrahit, ita ut ipsum os et partes circumaffectas mollias, et mollitorium quoddam apponas; et postea plumbeos penicillos et mox scillam deinde narcissinum una die interposita, netopum oleum rosaceum».

Некоторые смещения вправлялись путем вдувания воздуха в полость матки бычачьим пузырем. *Fistula ad vesicam allata uteros insufflato.*

Наконец для введения лекарственных веществ в полость катки применяли расширение канала шейки при помощи сосновых палочек, «из самой смолистой сосны», различного диаметра, при достаточном расширении заменявшихся металлическими полыми зондами, через просвет которых вводились вещества, как, например, теплое масло, тюлений жир, олений костный мозг, камедь (кусочек величиною с оливку, в розовом масле или мирре). Чаще всего производились внутриматочные впрыскивания теплого растительного масла. «*Fistulam ad vesicam alligato et oleum callidum in uteros infundito*».

Эти впрыскивания производились до тех пор, пока из полости матки не показывалось немного крови; это считалось знаком возвращения матки к нормальному положению.

Все эти средства употреблялись, когда другие, более простые, оказывались недействительными, как вагинальные инъекции отвара зеленых фиг, гранатовых зерен, чернильных орешков, мирты, ладана, мирры, майорана и пр.

Наконец, во влагалище вводились пессарии, приготовлявшиеся из кусков ткани, пропитанных лекарственными веществами в соединении со смолой, воском, гусиным жиром, оленьим костным мозгом, медом. К пессарию привязывалась нить.

Это — наши современные тампоны.

В частом употреблении были окуривания ароматическими парами (чеснока, тюленьего жира, укропа, эфиопийского тмина, цикламена, майорана и пр.), производившиеся путем введения в маточный зев тростника, соединенного с большим приемником.

Все эти средства применялись в особенности при выделениях, делившихся на красные, рыжие и белые.

Красные выделения (метроррагии) лечились местно вяжущими средствами и сухими банками на грудь.

Рыжие выделения — признак серьезных (раковых) изъязвлений — также лечились местно — впрыскиваниями и окуриваниями.

Что касается белей (лейкоррея), — при них обращалось внимание главным образом на общий режим и диету: овощные супы, миндаль, сезамовое масло, семена крапивы с вяжущим вином, сок граната с козьим сыром; наконец — физические упражнения.

Периметральные нагноения были известны и распознавались по следующим признакам: неподвижность матки, сращения вокруг нее; плотность — при ощупывании — живота и боли в нижней его части и в пояснице, отдающие в ногу, которую больная не может вытянуть. Во избежание случайностей, грозящих зачастую смертным исходом, автор советует немедленное хирургическое вмешательство, «*secare aut agere*», но не указывает, где именно следует резать или прижигать.

Если гной имелся только в полости матки, применялись инъекции посредством специальной серебряной канюли с боковыми отверстиями.

Таким образом медики эпохи Гиппократов обладали большими теоретическими и практическими познаниями в гинекологии. Расширение

канала шейки, внутриматочные впрыскивания, вправление смещений, массаж, — все эти современные нам методы были уже использованы нашими предшественниками в патом веке до нашей эры.

Общая терапия школы Гиппократа

По-видимому, на основании мнения Асклепиада (100 г. до нашей эры), считавшего всю древнюю медицину, и в частности Гиппократовскую, простым «созерцанием смерти», создался несколько неправильный взгляд на методы Гиппократовской терапии. Прибавим, что в XVI веке Корнариус, которому мы обязаны наиболее научным изданием сочинений Гиппократа, решался утверждать, что создатель Косской школы лечил самые острые заболевания самыми простыми средствами, как ячменный отвар, вино, вода с медом и т. д., и что вообще бесполезно применять другие, более сложные средства, как, например, Арабской школы. Ничего удивительного нет, что легенда о «созерцании смерти» могла таким образом укрепиться.

Школа Гиппократа была школой наблюдателей, полагавших, согласно своим воззрениям на целительные силы природы, что роль врача сводится в подражанию и помощи природе; однако никогда они не думали отрицать ценность рациональной терапии. Тем не менее, они были крайне осторожны, и первая заповедь Гиппократа гласила: Не вредить. *Primum non nocere*. Грубые вмешательства, как встряхивания на лестнице, вливания в легкие, применявшиеся Книдской школой, внушали ученикам Гиппократа отвращение, так же как методы Геродика, лечившего лихорадящих больных бегом, борьбой, паровыми ваннами. Но гиппократики не оставались пассивными созерцателями болезни, доказательством чего являются описанные нами выше различные способы терапии при острых заболеваниях, ангиах, женских болезнях.

Для школы Гиппократа лекарством является все то, что изменяет настоящее состояние организма. Следовательно все обладающие известной силой вещества могут быть лекарственными. «Можно влиять (на больного), если угодно, лекарством; если не угодно, — пищей». Отсюда — два способа лечения, два больших подразделения терапии: лекарственная (фармакологическая) терапия и диететика.

Как мы видели выше, лечение должно быть подчинено известным общим правилам; главным образом — правилу противоположного воздействия, о котором мы говорили. Так, различные темпераменты должны получать и различные лекарства: желчным — желчегонное, флегматикам — лимфогонное. Больным с сильным темпераментом следует назначать сильнодействующие лекарства, слабым — слабые.

Так как причина болезней чаще всего лежит в переполнении и засорении желудка и кишечника, очищение последних применилось раньше

всех других методов. Очищение производилось с помощью рвотных или слабительных.

Рвотные были широко распространены у греков; они принимали рвотное с профилактической целью, — обычай, заимствованный у египтян, вместе с клизмой. Рвотное принималось обыкновенно зимой, очищение кишечника клизмой производилось летом; таким образом, рекомендовалось в течение зимнего полугодия — рвотное дважды в месяц, а в течение шести летних месяцев — дважды в месяц клизмы. Последнее предписание до последних лет оставалось в почете среди старинных французских семейств.

Рвоту вызывали теплой водой, иногда с прибавлением уксуса и соли, или же — диким огурцом и белым морозником (чемерицей), — последние употреблялись чаще в случаях болезни.

При необходимости, рвота могла быть вызвана и механически — щекотанием глотки пером: «*Penna immissa vomuit bilum atrum*».

Профилактические клизмы были, соответственно темпераментам, двух видов: жирные и густые — с молоком и бобовым отваром — для тощих субъектов; жидкие и соленые — с рассолом или морской водой — для тучных.

Слабительные, назначавшиеся главным образом при заболеваниях, были преимущественно растительными: черная чемерица, scammonia, молочай, книдское зерно. Минеральные слабительные не употреблялись. Впрочем, уже тогда пользовались магнезией и еще странной смесью, заключавшей металлическую медь.

В первые дни острых заболеваний для очищения кишечника вместо слабительных пользовались суппозиториями в форме желудка.

Употребительным средством было также вскрытие вены (флеботомия) при самых различных заболеваниях: острых, как плеврит, пневмония, лихорадки, ангина, как в периоде болезни, так и в периоде выздоровления; затем — при таких патологических состояниях, как потеря речи, венозный стаз, расстройства мочеиспускания, при болях в бедре, ранениях головы, головокружениях, водянке, трудных родах.

В числе наркотиков опий еще не был в обиходе. При лихорадочном бреде употреблялись асафетида и альбановая смола (*galbanum*).

Как *diuretica*, были обычны морской лук и шпанские мушки.

Горячие ванны предписывались при острых заболеваниях грудной полости.

При хронических страданиях — естественные теплые купанья (остров Мелос).

Холодные компрессы применялись при лихорадках. «*Lintea a q u a frigida tincta arponito*». То же средство применялось (на живот) при метроррагиях.

Греки были большими сторонниками натираций жирными веществами и ароматическими маслами, в особенности при занятиях спортом.

Как отвлекающие, — применялись сухие банки, прижигания раскаленным железом, суровым полотном или кипящим маслом.

Этот небольшой обзор, в соединении с тем, что мы говорили выше о терапии различных болезней, кажется нам достаточным для того, чтобы разрушить легенду о «созерцании смерти» школой Гиппократов.

Фармакологическое лечение только в исключительных случаях применялось в целях предупреждения болезней; это — терапия уже имеющегося заболевания.

Диететическое лечение, напротив, является преимущественно профилактическим: его цель — предупредить болезнь, при угрозе появления последней в известных условиях.

На эту тему написаны четыре книги, приписываемые авторитетами Геродику Селимбрийскому, о котором мы уже упоминали выше. Согласно его учению, причина большей части болезней заключается в нарушении нормального состояния равновесия между принимаемой нами пищей и производимой работой, т. е. между поступлениями и тратой организма. Эта идея, правда, не нова.

Египтяне изобрели профилактические очищения в виде рвотных и клизм именно с целью восстановления этого равновесия, для освобождения организма от вредных излишков. Таково же и мнение Эврифона Книдского, видевшего причину всех болезней в неумеренном потреблении пищи. Однако мысли Геродика более сложны и точнее формулированы. По его мнению, болезнь возникает тогда, когда имеется избыток потребления сравнительно с тратой, или же в том случае, если расход организма превышает потребление.

Геродик в своих сочинениях устанавливает сравнительную питательную ценность различных пищевых продуктов, растительных и животных, дает кое-какие указания относительно их приготовления и ряд терапевтических и гигиенических советов.

Последние цитировались неоднократно и к тому же неточно.

«Следует принимать горячие ванны, спать на мягкой постели, опьяняться не более одного-двух раз время от времени, притом умеренно, совершать coitus, когда представится возможность, оставить физические упражнения, за исключением прогулок».

Эти советы относятся к больному организму. Что касается общих принципов Гиппократовской гигиены, они все заключаются в следующем изречении: «Labor, cibus, potus, somnus, venerea, omnia moderata».

«Эта умеренность в работе, пище, сне и наслаждениях поддерживает здоровье и препятствует появлению каких-либо заболеваний».

Анатомия. Анатомические познания школы Гиппократов были весьма ограничены. Однако во многих областях практической анатомии, топографической и хирургической, косские врачи были достаточно сведущи.

В сочинениях, трактующих о переломах, вывихах и ранениях, кости скелета точно описаны, так же как и суставы. Что касается внутренних органов, то их описания делались чаще всего на основании изучения животных. Человеческие трупы безусловно не анатомировались; животные же могли приноситься в жертву исследованию. Кишечник

человека часто сравнивается с кишечником собаки; по поводу «священной болезни» (эпилепсии) автор говорит, что при вскрытии везы, страдавшей этой болезнью, он нашел мозг влажным и наполненным водой, откуда он сделал заключение, что местопребывание «священной болезни» находится именно в этом органе. Мозг состоит из двух полушарий, у человека как и у животных, соединенных тонкой перепонкой; мозг заключен в две оболочки — твердую и тонкую.

Сердце описано в специальном трактате, описаны его желудочки, ушки (предсердия), сумка, большей частью содержащая жидкость. Сердце — чрезвычайно сильная мышца. Полулунные клапаны аорты были известны, равно как их назначение; описана также легочная артерия.

Легкое имеет пять частей, называемых долями; оно — пепельного цвета, усеяно точками и пронизано отверстиями.

«Трахеальная артерия» (трахея) оканчивается у верхушки легкого и состоит из изогнутых, взаимно соответствующих колец.

Печень имеет два выступа, называемых воротами, и расположена в правой части брюшной области.

Селезенка, расположенная под ложными ребрами слева, имеет «форму подошвы ноги».

Почки — такой же формы; по цвету они напоминают яблоки; от каждой почки идет тяж в косом направлении к мочевому пузырю.

Наконец, описываются пищевод, желудок, кишечник, длина которого исчисляется в двенадцать локтей.

Туловище делится диафрагмой на два отдела: верхний живот (thorax) и нижний (abdomen).

Мочевой пузырь и мочеиспускательный канал известны были благодаря операциям камнесечения; также и яички. Матка была хорошо известна, как мы видели в Книдской гинекологии. Яичники, однако, нигде не упоминаются.

Артерии и вены чаще всего смешивались, но иногда очень точно различались, — так, было установлено снабжение печени венами и отхождение от сердца артерий.

Нервы часто смешивались с сухожилиями и связками. Однако в книге II «Эпидемий», раздел IV, находим упоминание «двух нервов, исходящих от мозга ниже большого позвонка и идущих, в желудку, спускаясь вдоль трахеальной артерии с обеих сторон»¹; там же говорится о нервах, которые «у краев позвонка разветвляются в косом направлении к ребрам».

Здесь речь идет, несомненно, об истинных нервах.

Описываются и железы «губчатого строения, неплотные и жирные; эти органы не похожи ни на что другое в теле». Они снабжаются многочисленными венами; при давлении из них сочится жидкость; их находят всюду, где есть (в организме) влага. Почки, миндалины, грудные железы, паховые и подмышечные железы, наконец мозг, — все эти

¹ Блуждающие нервы. (Прим. перев.)

органы одинаково считались железами. Благодаря им происходят всякого рода катарры и выделения.

Физиология. Литрэ дает следующее краткое описание Гиппократовой физиологии:

«Вены берут начало в голове и разветвляются по всему телу до пальцев ног. Воздух, проходя через трахею, бронхи и легкие, попадает в сердце и артерии (отсюда и наименование последних), несущие жизненную силу и движение во все концы организма.

Мозг считался органом накопления и распределения влаги, здесь предполагалась известная циркуляция: жидкость (спинномозговая, без сомнения) притекает со всех областей организма к мозгу, как к приемнику, и последний в свою очередь рассылает ее повсюду. Железы вообще (мозг считался также железой) имеют задачей освобождение организма от избытка жидкости.

Пищеварение рассматривалось как истинное сварение пищевых продуктов, в результате чего возникает особого рода флюид, питающий организм через посредство желез и вен. Четырем жидкостям (кровь, желчь желтая и черная, мокрота) приписывалась главная роль во всех превращениях элементов в организме».

Прибавим к этому точному обзору некоторые подробности, важные для нас с точки зрения истории медицинских наук.

«Место укоренения вен — печень; укоренение артерий — сердце. От печени и сердца распространяются повсюду кровь и дыхание, посредством которых разносится и теплота». («О питании».)

Последующие авторы дали этой цитате ложное толкование в том смысле, что в печени начинаются вены, а в сердце — артерии, и это заблуждение держалось вплоть до открытия Гарвея.

Хотя о кровообращении еще не имели представления, его уже предчувствовали. Тело сравнивалось с кругом, и врачи Гиппократовой школы допускали, что вены; достигнув конечностей, возвращаются обратно вдоль голени и бедра к животу и груди, соединяясь с сосудами из первоначальной вены. («О природе человека».)

«*Venae per corpus diffusae spiritual, fluxum et motum exhibent, ab una multae germinantes atque haec una unde oriatur et ubi desinat non scio Circulum enim facto principium non invenitur.*»

Костному мозгу приписывалось назначение питания кости.

Существовало уже представление о вазомоторной функции в связи с попытками объяснения покраснения и побледнения лица.

«Изменения окраски происходят вследствие деятельности сердца, сжимающего или расслабляющего вены; когда оно их расслабляет, окраска становится оживленной, яркой и прозрачной; когда оно их сжимает, наступает бледность и синеватая окраска».

Было уже известно, что взбивание крови препятствует свертыванию. Были даже попытки анализа крови. Так менструальную кровь выливали на песок, давали ей высохнуть, и затем исследовали остаток;

если оставалось пятно желтого цвета, считали, что в крови был избыток желчи; искали также слизи и мокроты.

Питание. О сущности питания и жизни было следующее представление: «сила, заключающаяся в пище, поступает в кости, вены, артерии, мышцы, оболочки, мясо, жир, кровь, лимфу, костный мозг, головной и спинной мозг, кишечник и во все области тела; она передается теплоте, дыханию и влажности».

(Позже эта цитата подверглась искажению).

Все это делается природой, бессознательно: «φύσις πάντων» «ἀδιδάκτοι».

Отсюда следует, что сущность жизни и причина ее заключается в дыхании, которое распределяет в организме теплоту, называемую врожденной (природной) (θερμὸν ἔμφυτον). Позже эта теория подвергается деформации и дает начало учению о жизненной силе, которое будет тревожить медицину и философию в течение ряда веков.

На самом же деле, в «дыхании» (πνεῦμα) и «врожденной, природной теплоте» следует видеть не что иное, как предчувствие открытия действия воздуха и кислорода на кровь.

Тело и душа связаны настолько тесно, что болезнь одного из них отражается на состоянии другого. Нельзя отрицать действия среды на темперамент, привычки, умственные способности, различающиеся соответственно климату, местности, воздуху и воде (De aere, aquis et locis). Это влияние, чисто физическое, действует на душу через посредство тела.

Таким образом в Гиппократовом Собрании впервые формулировано учение о «среде», возобновленное в XVIII веке Монтескье и в XIX в. — Тэнном.

Мы видели уже неоднократно, какая целительная способность приписывалась силам природы, ее устремлению (современный философ — Бергсон — сказал бы «жизненному порыву» — élan vital) — τὰ ὄρμωνα, τὸ ἔνερμον.

Медицинские авторы последующих эпох называют это «natura ímpetum faciens» или «spiritus ímpetum faciens» (Ван-Гельмонт, Бургааве).

Таково учение гиппократиков — виталистическая философия природы.

Но следует заметить, что все эти теории образовались поздно, «задним числом» — гиппократики не хотели строить систем; враги всяких гипотез, они предпочитали оставаться в царстве фактов и именно в этой области они больше всего успели, как мы уже видели при рассмотрении их практической деятельности и как мы еще раз увидим при кратком анализе книг, говорящих об искусстве прогноза.

Прогноз и семиотика. В Гиппократовом Собрании нигде не говорится о постановке диагноза. Наиболее важен прогноз, делающий врача всемогущим в глазах больного и его окружающих, прежде всего стремящихся узнать об исходе болезни. Между тем, прогноз может быть поставлен лишь на основании некоторых признаков, совокупность которых образует то, что можно назвать Гиппократовой семиотикой.